

Фридрих Гёльдерлин

ГЁЛЬДЕРЛИН (Hölderlin) Иоганн Христиан Фридрих (1770-1843) — выдающийся немецкий поэт и мыслитель, выступивший на заре романтизма и в значительной мере повлиявший на философию и осмысление существа поэтического творчества прежде всего в XX столетии. С 1788 по 1793 он занимается в Тюбингенской духовной семинарии (филиал университета), где сближается, в частности, с Шеллингом и Гегелем. «Мы все пробегаем по эксцентрическому пути, и нет другой дороги от детства (более или менее чистой простоты) к совершенству (более или менее совершенной образованности)», — писал Гёльдерлин. Для Гёльдерлина этот путь — возвращение на Родину, к истоку. Символом такового, духовной прародиной для Гёльдерлина предстает неповторимый свет классической Эллады. Для молодого Гёльдерлина оказались тесны школярские рамки «тюбингенской теологии». Штудированию схоластических трактатов Гёльдерлин предпочитал изучение античной драмы, обсуждение поэзии Шиллера, философские дискуссии с Гегелем и Шеллингом о Канте, увлечение философией Спинозы. Однако и рациональное постижение Абсолюта не соответствовало его натуре. В душе он носит высокое поэтическое призвание. Он не хочет «учить о Боге». Он хочет «говорить с Богом» на поэтическом языке. Удивительно ли, что сама его поэзия может быть понята как богословие, а точнее — как Богословие, но уже за рамками только христианской догматики. В 1794-1795 Гёльдерлин в Йене, в самом центре зарождающегося «веймарского романтизма». Здесь он знакомится с Гёте, формуле Гёте — «Постоянство в перемене (*Dauer im Wechsel*)» он противопоставляет романтический тезис — «Становление в гибели, через гибель (*Das Werden im Vergehen*)». Шиллер принимает в нем участие, помогая с местом домашнего учителя и публикуя в «Новой Талии» оды Гёльдерлина и фрагмент романа «Гиперион» (1794). Он замечен «князьями поэзии» (по выражению Гёльдерлина), но не принят ими. Здесь же в Йене Гёльдерлин слушает лекции Фихте, которым тогда увлекалась вся молодежь. Однако «скандал Фихте» уже в теоретических набросках Гёльдерлина («Суждение и бытие», «Гермократ к Кефалу» (1795)) критикуется как гипостазированный разрыв между Я и не-Я. У Гёльдерлина иное стремление: «Докончить с этим вечным противостоянием между нашим Я и миром, восстановить высший мир, который превыше всякого разума [поскольку постигается в поэтическом созерцании — И. Ж.], соединиться с природой в одном бесконечном целом — вот цель всякого нашего стремления...». В течение семи лет, с 1792, Гёльдерлин вынашивает, многократно перерабатывая, свой основной роман «Гиперион, или Отшельник в Греции». Имя главного героя Гиперион означает — «сын вышнего», или «сын неба», что отсылает к образу Аполлона. Роман состоит из писем к другу Беллармину (под этим именем некоторые исследователи угадывают Гегеля или Шеллинга, с которыми Гёльдерлин находился в переписке). Сюжетная линия путешествия Отшельника накладывается на историю освободительной борьбы греков. Как известно, многие так называемые «эллинистические романтики»: Шелли и Китс, Дельвиг и Батюшков, Байрон и др. были захвачены идеалом свободы классической Эллады и борьбой за политическую независимость современных им греков. Однако Гёльдерлин не вписывается и в этот ряд. Прежде всякой политической свободы есть высшая свобода — свобода духа, в которой народ обретает свою судьбу; или не обретает, сбившись с пути и канув в Лету истории. Для Гёльдерлина лишь эта свобода духа может привести нас к грядущему, как истоку, «царству красоты». Об опережающем властвовании истока поэт говорит в гимне «Рейн»: «...Ибо // Как начинал ты, так и пребудешь». Красоту Гёльдерлин

понимает в платоническом духе из высказывания Гераклита: «Великое определение Гераклита — единое, различаемое в себе самом — мог открыть только грек, ибо в этом вся сущность красоты, и, пока оно не было найдено, не было и философии. Теперь можно было давать определения: целое уже существовало. Цветок распустился: осталось разъять его на части». (Ср. «Пир» Платона, где это высказывание Гераклита истолковывается по аналогии с «внутренне напряженной гармонией лука или лиры»). Как высшее единство, прекрасное, по Гёльдерлину, имеет онтологический статус: «Блаженное единство, бытие в единственном смысле слова потеряно для нас, и нам должно было его утратить, если мы хотели его достичь и добиться. Мы вырываемся из мирного «Одно и Все» мира, чтобы вновь восстановить его через самих себя». Замечательно в этой связи понимание Гёльдерлиным сопринадлежности поэзии и философии. Плененный светом вышнего, Гёльдерлин вводит в немецкую поэтическую речь античный акростих, сочиняет в основном оды и гимны, создавая своеобразную гимнографию. Но в письме к другу Нейферу (12.XI.1798) самоиронично замечает по поводу «философской перегруженности» своих стихов, что неудачливые поэты, вроде него, почетно уходят в философию как в госпиталь. В тоже время в «Гиперионе» Гёльдерлин показывает, что без поэзии греки никогда бы не стали народом философов. Позже, в стихотворении «Память» Гёльдерлин скажет: «Но то, что пребывает, устанавливают поэты». Мы еще далеки от мысли Гёльдерлина, если просто скажем, к примеру, что подвиг Ахилла сохранился в историческом предании лишь благодаря Гомеру; ведь поэт говорит об основывающем установлении пребывающего. «Философия не рождается из голого рассудка или голого разума, ибо она есть нечто большее, чем ограниченное познание существующего». Лишь поэзия, оплодотворенная светом божественной красоты, словно объемля философию, задает начало и конец последней. «...Философия, как Минерва из головы Юпитера, рождается из поэзии бесконечного божественного бытия». И далее устами своего героя Гёльдерлин говорит: «Человек, который не почувствовал в себе хоть раз в жизни полную, чистую красоту... в философии не может быть даже скептиком; его разум непригоден даже для разрушения, не говоря уже о созидании. Поверьте мне, скептик находит противоречия и недостатки во всех наших мыслях потому только, что ему знакома гармония безупречной красоты, которую нельзя постичь мыслью. Черствый хлеб, которым его благодушно потчует человеческий разум, он отвергает только потому, что втайне пирует с богами». В своем творчестве Гёльдерлин создает мифологизированный мир, окрашенный в пантеистические и платонические тона. В предисловии к «Гипериону» он напишет: «Пожалуй, мы все в конце скажем: «О святой Платон, прости нам! Мы тяжко согрешили перед тобой!». Говоря о пантеизме Гёльдерлина, следует указать на влияние Ф. Г. Якоби, а также голландского философа Ф. Гемстергейса и немецкого натурфилософа и физика И. В. Риттера. «Мы называли землю цветком неба, а небо — бескрайним садом жизни... Земля — неизменно любящая бога солнца...». По Гёльдерлину, дух природы, или жизнь, и есть любовь Земли и Неба, именно в этом пространстве человек переkreщается с божественным. В «овнутреннем мире» Гёльдерлина уживаются Аполлон и Христос, Дионис и Аллах, германская природа и эллинский дух. В XX веке мы встречаем близкий по всеохватности и глубине пантеон в поэтическом ансамбле «Русские боги» Даниила Андреева. Если говорить о влиянии Гёльдерлина на последующую философскую мысль, то прежде всего следует подчеркнуть взаимовлияния Гёльдерлина, Шеллинга и Гегеля. Приоритет поэтического и «ощущение» близости Бога у Гёльдерлина (В гимне «Патмос» говорится: «Близок // И труден для понимания Бог. // Но где опасность, там вырастает // И спасительное») выражены на философском языке Шеллингом в его теории «эстетического созерцания» и в «философии откровения». Другая же основная мысль Гёльдерлина — «становление через гибель» — нашла монументальное воплощение в «Науке Логике» Гегеля в качестве диалектической триады; только *Vergehen* истолковано как отчуждение и снятие (*Aufhebung*), а место «Божественной Красоты» занял «Абсолютный Дух». Необычна посмертная судьба поэта. До сих пор ведутся споры об отношении Гёльдерлина и романтизма: его называют «боковым побегом романтизма», и вот

же — побег появился раньше дерева и пророс в культурной почве глубже. Судьба Гёльдерлина — это вечное «между»: между Элладой и Германией, между романтиками и XX веком, между классицизмом и романтизмом. Но он не принят ни там, ни здесь. Пожалуй, лишь у Новалиса мы встречаемся с подобной глубиной мысли и тончайшим, едва выразимым мотивом *Nostalgie* — ностальгии по будущему. Немногие из романтиков смогли оценить своеобычность Гёльдерлина: прежде всего Brentano, его сестра Bettina von Arnim, Шлегель, В. Вайблингер. Уже современники называли его поэзию «темной». По замечанию Хайдеггера, немцам (да и всем нам) еще предстоит показать свое достоинство при встрече с поэтической мыслью Гёльдерлина. В финале «Гипериона» звучит потрясающая филиппика в адрес немцев. «Варвары испокон веков, ставшие благодаря своему трудолюбию и науке, благодаря самой своей религии еще большими варварами... оскорбляющие как своим излишеством, так и своим убожеством, глухие к гармонии и чуждые ей, как черепки разбитого горшка... Я не могу представить себе народ более разобщенный, чем немцы... Говорю тебе: нет ничего святого, что не было бы осквернено этим народом, не было бы низведено до уровня жалкого вспомогательного орудия. Здесь все бездушней и бесплодней становятся люди, а ведь они родились прекрасными; растет раболепие, а с ним и грубость нравов, опьянение жизненными благами, а с ним и беспокойство; каждый год, который мог бы стать благословенным, превращается в проклятие для людей, и все боги бегут от них». Особенно интересны параллели в творчестве Гёльдерлина и Ницше, хотя среди своих знаменитых «пяти Нет» Ницше непоколебимо отвергает «XVIII век Руссо» и романтизм, в котором сходятся идеалы христианства и Руссо. Но может быть Гёльдерлин уже предчувствует «тот мост», который Ницше перекидывает между «последними людьми» и сверхчеловеком, когда Гёльдерлин пишет брату: «Я люблю человеческий род будущих столетий... Мы живем в такое время, когда все работает на будущее». Вот что писал у Гёльдерлина Гиперион Диотиме: «Но только ни за что не поддавайся обманчивой жалости, поверь мне, для нас есть еще одна радость. Истинная скорбь воодушевляет. Кто поднялся до страдания, тот стоит выше других. И это великолепно, что только в страдании мы обретаем свободу души...». Кажется, что это говорит Ницше, который устами Заратустры словно сводит к формуле ведущие интенции поэтических прозрений Гёльдерлина: «Я, Заратустра, заступник жизни, заступник страдания, заступник круга...». Возможно, более ранние слова Гёльдерлина — «...и все боги бегут от них...» — помогут нам понять слово Ницше: «Бог мертв», которым он, как молотом, ударяет своих современников. Не есть ли это такое состояние мира культуры, когда Бог действительно покидает мир, выступая тем самым как не-Сущий. (Известно также, что в 1871 Ницше делает набросок трагедии «Эм-педокл».) Философский интерес к Гёльдерлину просыпается, когда В. Дильтей публикует в 1905 знаменитую книгу «Переживание и поэзия: Лессинг — Гете — Новалис — Гёльдерлин», подчеркивая роль «гениальных творцов» в связи со своей теорией духовно-исторического понимания. Значительный вклад в «ренессанс Гёльдерлина» в начале 20 в. внес Норберт фон Хеллингат, погибший в 28 лет на 1 мировой войне, но успевший подготовить первое научное издание сочинений Гёльдерлина в 6 томах и исследование «Наследие Гёльдерлина» (Hellingrath. Hölderlin-Vermachtnis, 1936). Экспрессионисты устанавливают настоящий «культ Гёльдерлина»; несомненно его влияние на поэзию С. Георге, Г. Тракля, Р.-М. Рильке. Безусловно значение Гёльдерлина (как и выше названных поэтов) для эволюции фундаментальной онтологии Хайдеггера, которому принадлежит приоритет в попытке «осмыслить всерьез» поэтические откровения Гёльдерлина. Последнего Хайдеггер называет «поэтом поэтов», поскольку в его творчестве осмысливается и обретается существо поэтической речи. В докладе «Гёльдерлин и сущность поэзии» он пишет: «...поэзия есть устанавливающее именование бытия и сущности всех вещей, — не произвольное говорение, но то, посредством чего впервые вступает в Открытое все то, что мы затем обговариваем и переговариваем в повседневной речи... Поэзия есть изначальная речь некоего исторического народа». Ибо «только там, где есть событие речи, есть Мир (Welt),.. и лишь там, где господствует мир, есть История». Гадамер отмечает, что именно «страстные занятия»

поэзией Гёльдерлина приводят к появлению у позднего Хайдеггера понятия «земля», которая суть «в истине своей не вещество, а то, из чего все выходит наружу и куда все возвращается». В своих «поворотных» докладах Хайдеггер постоянно ссылается на Гёльдерлина, а размышления над теми или иными гимнами Гёльдерлина составляют 4, 39, 52 и 53 тома его *Gesamtausgabe*. Основные темы Хайдеггера после II поворота: истолкование в-мире-бытия как Четверицы — небесного и земного, человеческого и божеского; поворота как «возвращения на родину»; бытия как властвующего истока; переосмысление самого философствования как «вопрошания бытия» из близости к изначальнейшему «творению языка», — все это, да и сам поворот, было бы невозможно без напряженного осмысления загадочных слов Гёльдерлина: «Полон заслуг, однако поэтически жительствоует человек на этой земле». Хайдеггер толкует это так: «“Поэтически проживать“ означает: находиться в присутствии богов и быть затронутым близостью сущности вещей. „Поэтически“ есть Вот-бытие в своей основе, — и это означает одновременно: как установленное /основанное/ оно есть не заслуга, но дар». Среди многих загадок Гёльдерлин оставил нам и загадку своего безумия. П. Берто (*Bertaux*) в 1978 даже заподозрил Гёльдерлина в искусном симулировании душевной болезни, как в случае с Гамлетом. Последующие публикации опровергают эту версию. Сам Берто поясняет что им двигало: обида и боль за то, что один из величайших поэтов Германии слывет помешанным. Всю жизнь Гёльдерлина пленял далекий сицилиец — Эмпедокл, который, по преданию бросился в кратер Этны: мыслитель, воспевающий первостихии, словно возвращается к огненному духу природы, бросаясь на грудь вулкана. В «Смерти Эмпедокла» Гёльдерлин напишет: «Тому, кто был для смертных гласом духа, // Необходимо вовремя уйти...». Хайдеггер говорит по этому поводу: «Чрезмерный свет толкает поэта в темноту, когда он взят уже под защиту ночи безумия». Самой своею судьбой Гёльдерлин подтвердил свое пророчество о том, что «речь есть опаснейшее из имуществ, дарованных человеку». Так может быть безумие Гёльдерлина и есть проявление заботы богов, лишь в такой форме внятное нам, о чем поэт написал в знаменитой элегии «Хлеб и вино»: «Там они (боги) бесконечно творят и, кажется, мало считаются с тем, // Живем ли мы, так сильно берегут нас небожители. // Ведь не всегда хрупкий сосуд может вместить их, / Лишь иногда переносит человек божественную полноту». Что Гёльдерлин некогда «перенес божественную полноту», свидетельствует то, что мы и сегодня, спустя 200 лет, видим его в той местности, где созвучные друг другу, обретаются и обретают себя поэзия и философия. Об этой области в поздней статье «Жительствование человека» пишет Хайдеггер: «Пусть же именуется местностью склонения та светлая прореженность, где, ошеломляя и раздаривая, небожители склоняются к смертным на сей земле, где, благодаря и созидая, склоняются пред небожителями жители земли. В области склонения сопринадлежны друг другу в даровании-восприятии меры, то есть сопринадлежны поэтически, смертные и небожители: жительствоуя всякий на свой лад, они едины и слиты меж собой». Гёльдерлин, «подверженный молниям богов» по слову Хайдеггера, сказал об этом по-своему:

Но нам подобает, о поэты,
Под божьей грозою стоять с головой непокрытой.
И луч отца, его свет
Ловить и скрытый в песне
Народу небесный дар приносить.

И. В. Жук